

**РАЗЛОЖЕНИЕ СОСЛОВИИ И НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ НАЙМА
РАБОЧЕЙ СИЛЫ НА УРАЛЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА**

Проникновение наемного труда и капиталистического предпринимательства в горнозаводскую промышленность Урала, в основе «организации труда» которой «издавна лежало крепостное право»¹, тесно связано с развитием капиталистических отношений среди горнозаводского населения: мастеровых, непременных и урочных работников, посессионных и крепостных крестьян, а также независимых от заводов мещан, купцов, посадских людей и государственных крестьян.

Изучение вопросов развития кустарных промыслов, мануфактурного производства в негорнозаводской промышленности, торговли и промышленного предпринимательства позволит глубже рассмотреть процесс разложения крепостничества и показать те пути, по которым просачивались капиталистические производственные отношения в горнозаводскую промышленность Урала в первой половине XIX века. Все это даст возможность лучше понять причины и характер нараставшего антикрепостнического движения в указанное время.

В основу изучения данного вопроса мы берем следующие основные положения марксистской методологии, выдвинутые В. И. Лениным в работах «Кустарная перепись 1894/95 года в Пермской губернии и общие вопросы «кустарной» промышленности»² и «Развитие капитализма в России»³. В. И. Ленин указал на необходимость отличать кустарей, эксплуатирующих наемный труд и производящих товары для рынка, от ремесленников, которые работают на потребителей. Это были совершенно различные формы промышленности «по своему общественно-хозяйственному значению»⁴.

С развитием товарно-капиталистического производства идет вытеснение ремесла. Образуется простая капиталистическая кооперация, на базе которой возникает мануфактурное производство. В. И. Ленин отметил, что в заведениях в среднем с 14,6 наемными рабочими капиталистическая кооперация «...находит... солидное применение». В заведениях же с 15-ю наемными рабо-

1 В. И. Ленин, соч., изд. 4, т. 3, стр. 424. ✓

2 Там же, т. 2.

3 Там же, т. 3.

4 Там же, т. 2, стр. 334.

чими «возможно и разделение труда в более или менее значительном размере»⁵.

Там, где господствовало товарное производство и систематически применялся наемный труд, по словам В. И. Ленина, «налицо есть все признаки капитализма»⁶. Критикуя пермских народников за их «теорию» о «народном производстве», В. И. Ленин указывал на развитие товарного производства и на «начальный процесс капитализма» на Урале в первой половине XIX века. Он лишь отмечал, что этот процесс был наиболее интенсивным в пореформенное время. В. И. Ленин говорил, что «главным явлением экономической жизни края является горнозаводская промышленность, которая сообщила ему совершенно особый отпечаток»⁷, что крестьяне были переселены на Урал «с целью работать заводовладельцам»⁸. «Проект горного положения» 1806 г. охранял безраздельное господство заводчиков-монополистов и стеснял свободу промышленности, ограничивал самостоятельные промышленные занятия населения края.

Несмотря на политику стеснения свободы промышленности на Урале, капитализм, хотя и медленно, но неуклонно пробивал себе дорогу сквозь толщу феодальных отношений и оказывал разлагающее воздействие на крепостничество.

Один из буржуазных историков XIX в. В. Д. Белов отметил, что кустарное производство создает почву для развития крупной промышленности. В. Д. Белов указал на то, что еще до реформы 1861 г. на Урале сложилась целая каста местных капиталистов, которая стремилась выкупиться на волю. Он отметил также факты стеснения свободы промышленности⁹. Другой буржуазный автор М. Киттары не заметил главного препятствия в развитии промышленности и торговли — крепостничества и клеветнически утверждал, что причина слабого промышленного предпринимательства лежит в «расчетливо-ленивой натуре русского рабочего» и в «животной лени» русского крестьянина¹⁰. С точки зрения фактов развития негорнозаводской промышленности на Урале наибольший интерес представляет сочинение Х. Мозеля¹¹. Однако этому автору присущи все те недостатки, которыми отличались буржуазные историография и статистика. Х. Мозель не видел различия между кустарными промыслами, мануфактурой и фабричным

⁵ В. И. Ленин, соч., т. 2, стр. 348.

⁶ Там же, стр. 340.

⁷ Там же, стр. 418.

⁸ Там же, стр. 418.

⁹ В. Д. Белов. Кустарная промышленность в связи с уральским горнозаводским делом. СПб, 1887 г., стр. 11—12.

¹⁰ М. Киттары. Очерки современного положения и нужд русской мануфактурной промышленности. М., 1857 г., стр. 10.

¹¹ Х. Мозель. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Пермская губерния. СПб, 1864 г., ч. II.

производством, объединяя их под одной рубрикой «фабрики», и различая их лишь по видам обработки продуктов.

Народническая историография, занимавшаяся вопросами кустарной промышленности на Урале, сваливала в одну кучу все формы промышленности, начиная от ремесла и мелких капиталистических мастерских с наемным трудом, кончая мануфактурой и фабрикой, с тем чтобы всю эту промышленность объявить «кустарной» или «народной» и «противопоставить эту бессмыслицу «капитализму»¹².

Советские историки поставили вопрос о развитии негорнозаводской промышленности в связи с изучением проблемы развития капитализма на Урале в первой половине XIX века. Проф. Ф. С. Горовой подчеркнул капиталистический характер негорнозаводских предприятий, на которых шире, чем на горных заводах, «применялся вольнонаемный труд». Он отметил наличие мануфактур, которые «постепенно превращались в фабрики, представлявшие крупную фабричную индустрию».

Ф. С. Горовой указал на тот факт, что владельцами предприятий негорнозаводской промышленности были не только купцы и мещане, но также и «зажиточные крестьяне и мастеровые»¹³.

Вслед за автором данной статьи¹⁴, Ф. С. Горовой признал факт «своеобразного расслоения» среди части горнозаводского населения, занимавшегося промыслами и работой по вольному найму¹⁵.

М. А. Горловский опубликовал данные о развитии негорнозаводской промышленности в Екатеринбурге в первой половине XIX века. К сожалению, автор не исследовал социальную природу промышленных заведений города, ограничиваясь перечислением этих заведений и подсчетом количества занятых на них рабочих.

Он объявил все промышленные предприятия города мелкими заведениями, на которых было занято от 1 до 7 наемных рабочих. За средними данными М. А. Горловский не заметил процесса капитализации и разложения ремесла, образования простой капиталистической кооперации и возникновения мануфактурного производства. Он связывает процессы капиталистического развития в городе лишь с более или менее крупными предприятиями, основанными на машинной технике и наемном труде¹⁶.

П. Г. Рыздзюнский обратил внимание на факты работы «заводских мастеровых на вольный рынок». Он отметил, что «хотя бы неполный переход части заводского обязанного населения на

¹² В. И. Ленин, соч., т. 2, стр. 403—404.

¹³ Ф. С. Горовой. Отмена крепостного права и рабочие волнения на Урале. Пермь, 1954 г., стр. 14—15.

¹⁴ В. Я. Кривоногов. О научных конференциях «Уральские чтения». «Вопросы истории», 1953 г., № 1, стр. 155—156.

¹⁵ Ф. С. Горовой. О вольнонаемном труде на Урале во второй четверти XIX века. «Вопросы истории», 1953 г., № 3, стр. 77.

¹⁶ М. А. Горловский. Горный город Екатеринбург 1807—1868 гг., Св. 1948 г., стр. 35—38; «Очерки истории Свердловска», Св. 1958 г., стр. 45—47.

положение городской мелкой буржуазии является симптомом разложения крепостнических форм промышленности и принадлежит к интереснейшим специфическим источникам горообразованием в данном районе страны»¹⁷. Вполне понятно, что превращение промышленных поселений Урала в города, в том числе и Екатеринбургского поселения, было обусловлено процессом развития капиталистических отношений среди горнозаводского населения. Однако этот вопрос даже в специальной литературе до сих пор не получил надлежащего изучения и раскрытия на фактическом материале. Из архивных данных и отдельных исследований¹⁸ видно, что заводские поселения пополнялись за счет прихода государственных крестьян, не зависевших от заводчиков и составлявших значительную часть наемных рабочих и даже мелких промышленников и торговцев.

Вопрос о развитии негорнозаводской промышленности Урала в плане разложения сословий и создания новых источников наемного труда и капиталистического предпринимательства в исторической литературе не освещался.

Изучение его связано с трудностями источниковедческого порядка. Статистика дореформенного времени не занималась собиранием и обработкой данных о ремесле, кустарном и мануфактурном производствах. Нам приходится воссоздавать картину развития капиталистических отношений в негорнозаводской промышленности и проникновения их в горнозаводское дело на основе выявления и систематизации разрозненных архивных документов. Большинство таких документов возникло в результате царской политики стеснения свободы промышленности, запрета частным лицам открывать огнедействующие заведения. В 1842 г. Уральское горное правление обнаружило в округе Нижне-Тагильских заводов водяные мельницы Ушковых, построенные без официального разрешения. Оно срочно запросило от казенных и частных заводов сведения о наличии частных заведений, о времени их постройки, о количестве леса, затраченного на их строительство, о количестве угля и дров, ежегодно сжигаемых в этих заведениях.

В Центральном государственном историческом архиве Ленинграда нами обнаружен подобный же документ о промыслах и торговле шарташских неперемных работников под названием «Оригинальный регистр»¹⁹, составленный Пермским горным правлени-

---

¹⁷ П. Г. Рыздзюнский. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958, стр. 332.

¹⁸ Ф. Я. Полянский. Первоначальное накопление капитала в России, М., 1958.

¹⁹ «Оригинальный регистр» — название, данное Департаментом горных и соляных дел. Подлинное название документа: «Опись учиненная неперемным работникам, торгующим своими промышленными изделиями, и другим перекупным товаром, не имеющим у себя пахотных мест по неимению вовсе оных» (ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 13, д. 71, л. 60).

ем в 1825 г. в связи с тем, что Екатеринбургская городская дума стала препятствовать торговле непременных работников в пределах города. В документе перечислены фамилии промышленников и торговцев, названы все промышленные заведения, указана ценность выпускаемой продукции и места сбыта. Но в документе не указано количество занятой рабочей силы, так как главная цель при составлении этого документа состояла в том, чтобы отстоять промышленные и торговые занятия непременных работников.

Наиболее подробные сведения с указанием рабочей силы и суммы производства составлялись заводскими конторами, которые вели учет, как видно, с той целью, чтобы определять сумму оброчных платежей с промышленников. Эти документы, как например, статистические сведения по округу Нижне-Тагильских заводов, позволяют изучать процесс развития капиталистических отношений среди горнозаводского населения.

Целая группа документов возникла в связи с отпуском мастеровых и рабочих людей на свое пропитание с уплатой оброка. В них отражены факты найма рабочей силы заводами за счет оброчных платежей.

Очень важным источником являются приисковые книги записей работ заводских мастеровых по вольному найму на добыче золота в страдное время, в воскресные и праздничные дни. Эти документы не всегда дают полное количество работающих, а указывают лишь фамилии артельщиков.

Пока еще не удалось обнаружить документы, позволяющие дать более полную картину процесса развития капиталистических отношений на Урале в целом. Приходится выяснять его на основе сведений, касающихся либо отдельных горных округов Урала, либо отдельных сторон этого процесса.

Нижеследующая таблица (№ 1, стр. 70) составлена нами на основе одного из таких источников и показывает динамику развития кустарного производства по некоторым горнозаводским округам Урала.

Приведенная таблица отличается неполнотой данных, поэтому в ней нельзя было сделать общего итога по всем заводам. Тем не менее, эта таблица показательна в трех отношениях. Во-первых, она дает некоторое представление о степени распространения кустарных промыслов в различных горнозаводских округах Урала. Согласно данным таблицы, первое место по развитию кустарных промыслов принадлежало Верх-Исетскому, второе — Невьянскому, третье — Сысертскому округам. Вполне возможно, что будут найдены новые архивные материалы, которые позволят внести изменения в эту расстановку. Кустарные промыслы развивались всюду как в казенных, так и в частных заводах.

Во-вторых, данные показывают, что в одних горнозаводских округах (Сысертском, Ревдинском посессионных и Камско-Воткинском казенном) главное место в развитии кустарного производства занимал кузнечный промысел. Подобные явления наблюдаются также в Кыштымских, Суксунских и Кнауфских заводах.

Таблица № 1

Заводские округа	Конец XVIII века до 1820 г.	1821— —1830 гг.	1831— —1843 гг.
а) ЧАСТНЫЕ			
Сысертский			
кузниц	31	73	137
других заведений	1	1	5
Итого	32	74	142
Верх-Исетский			
кузниц	28	69	100
других заведений	66	100	118
Итого	94	169	218
Невьянский			
кузниц	8	32	64
других заведений	27	59	127
Итого	35	91	191
Нижне-Тагильский			
кузниц	?	?	56
других заведений	?	?	26
Итого	?	?	82
Ревдинский			
кузниц	?	38	?
других заведений	?	4	?
Итого	?	42	?
Кнауфский			
кузниц	?	?	38
других заведений	?	?	17
Итого	?	?	55
Суксунский			
кузниц	?	?	78
других заведений	?	?	7
Итого	?	?	85
б) КАЗЕННЫЕ			
Гороблагодатский	}(всех заве- дений)	26	48
Богословский		?	?
Камско-Воткинский			
кузниц	?	?	50
других заведений	?	?	13
Пермский	}(всех заве- дений)	12	29
Златоустовский		?	11
			42

Примечание. Таблица составлена по следующим источникам: ГАСО, ф. 24, оп. 32, т. 2, д. 3170, лл. 1—292; ГАСО, ф. 35, оп. 1, д. 743, д. 121; Нижне-Тагильский архив, 10 распорядительный, оп. 1, д. 422, лл. 2—61; Челябинский областной архив, ф. 172, оп. 1; д. 81, лл. 100—115.

В других (Невьянских, например) кузнечное производство обслуживало другие виды промышленности, а именно сундучную, колесную и т. п.

Производство сундуков, подносов, колес, дрожек, гвоздей, ковшей и других предметов поощрялось заводчиками. Дело в том, что с утратой первенства на мировом металлическом рынке, сбыт металлов уральскими заводчиками на местных рынках оказывался более выгодным, чем в местах общероссийского торгога. Например, Кыштымское заводское правление в марте 1843 г. заявило: «А как продажа на месте при заводах несравненно выгодней, чем продажа в Ирбите, Лаишеве и Нижнем, то заводоуправление просит разрешить мелочную при заводах продажу железа»²⁰. На Нижне-Тагильских заводах в 1820—1840 гг. было продано местному населению металлов на сумму в 2 261 616 рублей, в среднем на 113 080 рублей в год, а в 1840—1847 годах на сумму 2 882 392 рубля, или на 411 770 рублей ежегодно. Это значит, что потребление железа заводским населением, прежде всего кустарями, увеличилось почти в 4 раза²¹.

В третьих, из данных таблицы по Сысертскому, Верх-Исетскому и Невьянскому округам видно, что количество промышленных заведений росло из десятилетия в десятилетие. К 20-м годам XIX века было 161 заведение, за 20-е годы их число возросло до 334, а за 30-е и начало 40-х годов — до 551. Подобный рост количества заведений имел место в Гороблагодатском, Пермском и Златоустовском казенных округах. Даже после запретительного закона 1841 г. их рост не прекратился, что можно наглядно подтвердить данными по Нижне-Тагильскому горному округу. В 1840 г. в этом округе насчитывалось 82 кустарных и ремесленных заведений. В 1857 г. их стало 120, а в 1859 г. — 139. Приведем более подробные сведения по Салдинским, Лайским и Выйскому заводам Нижне-Тагильского округа за 50-е годы XIX века²².

Таблица 2

Заводы	1857 г.			1859 г.		
	Количество			Количество		
	заведений	мастеров	рабочих	заведений	мастеров	рабочих
Нижне-Салдинск.	15	15	42	22	30	69
Верхне-Салдинск.	1	1	8	4	3	76
Выйский	2	2	23	10	16	58
Лайские (два)	2	2	2	2	2	2
Итого	20	20	75	38	51	205

²⁰ ГАСО, ф. 24, оп. 32, д. 1858, л. 201.

²¹ И. А. Бынкин. Кризис горнозаводской промышленности Урала накануне реформы 1861 г. Кандидатская диссертация, защищенная в АОН при ЦК ВКП(б) в 1947 г., стр. 121.

²² Нижне-Тагильский архив, ф. 10, расп. 1, оп. 1, д. 422, лл. 29—61.

За два года число заведений почти удвоилось, количество рабочей силы выросло более, чем в два с половиной раза.

Если в 1857 г. в среднем приходилось по 4,7 рабочих на каждое заведение, то в 1859 г. по 6,7. В Нижне-Салдинском заводе на каждое заведение в первом случае было по 3,8 рабочих, во втором — по 4,5. В Верхне-Салдинском — в первом случае — 9, во втором — 19,7. В Выйском заводе в первом случае на одно заведение приходилось — 14,5 рабочих, во втором — 7,4 рабочих. В Лайских заводах никаких изменений не последовало. Особенно бросается в глаза рост рабочей силы в Верхне-Салдинском заводе, в 1858 г. имелся один маслوبيльный завод с 9 рабочими, а в 1859 г. там появилось кузнечное заведение с 39 рабочими и 2 кирпичных завода с 28 рабочими. Почти каждое из этих заведений приближалось к мануфактурному производству.

В Выйском заводе уменьшение рабочих в среднем на каждое заведение произошло потому, что к 1859 году там возникло 7 заведений с 2 рабочими, одно заведение с 17 рабочими и увеличилось количество рабочих на писчебумажной фабрике — с 9 человек в 1857 г. до 27 в 1859 году.

Следовательно, рост мелких кустарных заведений проходил быстрее, чем образование мануфактур. Однако процесс возникновения и роста масштабов мануфактурного производства был весьма заметным.

Это значит, что мелкие кустарные промыслы создавали почву для возникновения крупного мануфактурного производства в негорнозаводской промышленности. Мелкие промыслы несли с собой новое неодолимое начало капиталистического развития. Ибо «...экономический строй мелких крестьянских промыслов представляет из себя типичный мелкобуржуазный строй...»²³.

Правда, не все наши сведения содержат в себе данные о количестве наемной рабочей силы, рабочих — членах семей, владельцев кустарных заведений. В них не всегда можно различить ремесленное, кустарное или мануфактурное заведение. Чтобы восполнить этот пробел, мы попытаемся проанализировать отдельные факты из разных источников.

В марте 1811 года Пермское горное правление разослало по всем уральским заводам указ, запрещающий истребление лесов владельцами частных заведений. В указе было отмечено, что в Сысертских заводах «у государственных мастеровых имеется довольно количество собственных железоковательных кузниц: Сысертском — 30, Полевском — 14, Северском — 4, для дела разных поделок на вольную продажу, а железо где покупают не известно; более в сем изденье уважается издержь приграниченных к упомянутым заводам казенных лесов, коих употребляется на то в жжение угля немалое количество, да самовольно и заводским лесам

²³ В. И. Ленин, соч., т. 3, стр. 307.

чинится истребление; сколько ж контора от такового истребления не удерживала, но тщетно»²⁴.

Из сказанного видно, что 48 владельцев мелких заведений производили продукцию «на вольную продажу», то есть на рынок. Железо они покупали, а лес рубили часто самовольно, не спрашивая на то разрешения начальства.

В Нижне-Тагильском заводе на 1850 год было занято «ремеслом» и торговлей 456 человек. Разумеется, тут были и ремесленники, и кустари, работавшие на продажу, на заказчика, скупщика, и мелкие торговцы и скупщики. Здесь наблюдалось формирование рассеянной мануфактуры, подчинение мелких товаропроизводителей скупщику. Например, подносный промысел имел четыре операции. Отковкой подносов было занято 34 человека, разрисовкой — 5, лакировкой — 1, отделкой — 2²⁵. 32 столяра занимались заготовкой сундуков, 3 человека производили их оковку, 8 изготавливали шарниры для прикрепления крышек, несколько человек обрабатывали жести для сундуков, несколько живописцев раскрашивали сундуки.

Не менее сложным был экипажный промысел. 5 человек выделывали колеса, кузненны обтягивали их железом, вставляли втулки, 7 экипажников собирали части экипажа, один мастер и один резчик по дереву приготавливали соответствующие части экипажа. Здесь мы наблюдаем процесс образования мануфактуры, подчинение мелких товаропроизводителей скупщику, организатору раздаточной конторы. Рабочие люди, занимающиеся промыслами, попадали в двойную кабалу.

В донесении Нижне-Тагильской заводской конторы в Уральское горное правление от 1857 года сказано: «Из числа состоящих при Нижне-Тагильских заводах заводских людей, хотя некоторые занимаются выделкою из листового железа подносов, шкатулок, столов и лакировкой их, деланием сундуков из дерева и оковкою их, ковкою водочерпных ковшей; но все они отправляют полные заводские работы, наравне с другими заводскими людьми, так что промышленностью занимаются уже из-за заводских работ, при том легкие работы по сей промышленности большей частью исполняются женщинами»²⁶. Рабочие люди отбывают повинности на заводе, а в свободное время сами или члены их семьи исполняют какую-либо операцию по изготовлению сундуков, подносов, экипажей, ковшей и т. п.

В Нижне-Тагильском заводе насчитывалось: чеботарей — 60 человек, шорников — 7, овчинников — 1. Торговцев кожевенными товарами было 15. Несомненно, что значительная часть из мелких промышленников была типичными ремесленниками. Например,

²⁴ ГАСО, ф. 24, оп. 32, т. II, д. 3170; л. 243.

²⁵ Нижне-Тагильский архив, ф. 10, юридический, оп. 3, д. 1139, л. 41.

²⁶ Там же, лл. 12—13.

2 синеельщика, 6 портных, 14 ветошников, 4 стекольщика, 1 каменщик, 18 плотников и др.

Что из себя представляла кустарная промышленность, как развивалось мелкотоварное производство и мануфактура, можно представить по следующим статистическим данным по Нижне-Тагильскому округу за 1857 год²⁷:

Таблица № 3

Название заведений	Кол-во заведений	Рабочая сила			Оборотный капитал		Сумма производ-ства		
		Мастеров	Рабочих	Рабыли на одно заведение	По всем за-ведениям (в рублях)	На одно заведение (в рублях)	По всем заведениям (в рублях)	На одно заведение (в рублях)	На одного рабочего (в рублях)
По Н.-Тагилу									
Мельницы	4	4	27	8	28800	7200	33190	8298	1037
Свечные	4	4	16	5	11860	2865	13000	3250	650
Кожевенные	8	8	41	5	13510	1714	17500	2187	437
Подносные	9	19	40	6	10800	1200	13000	1444	241
Сундучные	6	16	16	5,3	4280	713	5600	933	175
Мыловаренные	5	5	10	3	2310	462	2900	580	193
Красильные	3	5	10	5	1300	433	1700	567	189
Пряничные	6	6	15	3,5	2000	333	2800	465	133
Маслобойные	12	12	24	3	3000	250	3500	292	97
Кузнечные	43	43	43	2	2400	56	2700	62	31
Итого	100	122	242	3,6	80260	802,6	95890	958,9	263
По другим заводам округа									
Мельницы	3	3	32	11,7	32900	10733	37600	12533	1071
Кузницы	7	7	7	2	380	54	670	95,7	47,8
Маслобойные	5	5	16	4,2	2810	562	3220	644	153
Кожевенные	2	2	10	6	150	75	200	100	16,7
Токарные	2	2	2	2	150	75	200	100	50
Бумажные	1	1	8	9	3100	3100	4700	4700	522
Итого	20	20	75	4,7	39490	1974,5	46590	2329,5	490,4
Всего по округу	120	142	317	3,8	119750	997,9	142480	1187,3	310,4

Наиболее зажиточными оказались те владельцы заведений, у которых сумма оборотного капитала и сумма производства продукта были выше, а количество занятых мастеров и рабочих больше, чем у остальных. К ним мы относим владельцев мельниц, у которых оборотный капитал составлял от 7 200—10 733 руб. и сумма производства от 8 298 до 12 533 рублей, количество занятых рабочих от 8 до 12 человек на каждое заведение. Сумма про-

²⁷ Нижне-Тагильский архив, ф. 10, распорядительный, оп. 1, д. 422, лл. 2—61.

изводства на каждого занятого рабочего колебалась от 1037 до 1071 рубля. Разумеется, что владельцы мельниц работали на заказчика-крестьянина, они выступали в качестве и скупщиков зерна, и продавцов муки. Мука была дороже зерна в несколько раз, ибо помол обходился очень дорого.

Сундучные, подносные, коженные, свечные заведения работали на рынок. Их оборотный капитал был от 700 до 13,5 тыс. руб., а сумма производства от 900 до 2,3 тыс. рублей. Мыловаренное, красильное, пряничное производства имели сумму оборотного капитала от 333 до 462 руб., сумму производства от 467 до 580 руб., рабочей силы приходилось от 3 до 5 человек на каждое заведение.

Наиболее мелкими заведениями по сумме оборотного капитала были кузнечные (54—56 руб.), маслобойные (250—562 руб.), по количеству рабочей силы от 2 до 4 рабочих на каждое заведение. Самое главное состоит в том, что сумма производства в кузнечных заведениях составляла от 62 до 98 руб., а в маслобойном — 292 рубля на одно заведение. В 43 кузницах было сосредоточено 86 рабочих. Кузницы работали, как правило, не на сбыт, а на заказ владельцам сундучных, подносных и других заведений. По-видимому, кустари-кузнецы, если даже они сами покупали сырье, постепенно теряли свою самостоятельность, превращаясь в наемных рабочих рассеянной мануфактуры. Притом это были самые низкооплачиваемые рабочие.

В других заводах округа самыми бедными заведениями были коженни, где сумма производства составляла на одного рабочего около 17 рублей, и токарные — с суммой производства в 50 рублей на каждого рабочего. Вполне понятно, что эти заведения не обладали большими капиталами и работали, как правило, на заказчика.

Основываясь на фактах Нижне-Тагильского горного округа, — одного из крупнейших и типичных округов Урала, мы приходим к выводу о том, что горнозаводское население Урала все более втягивалось в занятия кустарными промыслами и переживало процесс социального расслоения. Выделялся зажиточный слой кустарей, прибегавших к эксплуатации все большего числа наемных рабочих, и превращавшихся во владельцев мануфактуры. Появлялась и бедная часть, работавшая по заказу на скупщика, на мануфактуриста, на формирующуюся буржуазию.

Подобный процесс развития капиталистических отношений прослеживается также на примере г. Екатеринбурга. В начале XIX века свыше 300 мастеровых занимались ремеслом. В то же время в ремесленные цехи было записано 176 человек. В 1841 г. в цехах города насчитывалось уже 254 человека²⁸. В 1858 г. из 19570 жителей города примерно 21-ая часть или 932 человека занимались ремеслом²⁹. Интересны данные по цеху серебряных и

²⁸ М. А. Горловский. Горный город Екатеринбург. Св. 1948 г., стр. 38.

²⁹ А. Козлов. Сто лет назад (из прошлого нашего города). «Вечерний Свердловск», 25 марта 1958 г., стр. 2.

золотых дел за 1825 г. Мастер мещанин Коробков имел трех учеников, мастер коллежский регистратор Алемазов — трех работников, мастер мещанин Жуков — двух, мастер Алемазов — одного рабочего мастера, мастер дьякон Матвей Мамин³⁰ — одного ученика и одного работника, мастер Иван Персианинов одного работника, Дмитрий Агафонов — одного работника. 27 мастеров, в том числе 14 мастеровых, как видно, не имели работников и учеников³¹. Факты показывают, что и ремесленники не были однородными. Хотя еще мало заметная, но уже намечалась капитализация ремесленного производства. Некоторые из них имели по три наемных рабочих. Процесс капитализации может быть более ясно представлен на мыловаренном, маслостойном, кожевенном и других производствах, имевшихся в Екатеринбурге в первой половине XIX века. В 1847 г. в городе было 6 промышленных заведений, насчитывавших в среднем по 3—4 рабочих каждое. Три заведения имели по 7—8 рабочих, три — по 9—11, три — по 14—15. 5 заведений, частично применявших машинную технику, в среднем насчитывали по 57 рабочих каждое³². Следовательно, здесь имели место все три стадии развития капитализма в промышленности. С разложением ремесла возникает простая капиталистическая кооперация, на базе которой развивается мануфактурное производство. Были также налицо первые шаги в превращении мануфактуры в фабрику.

Показательным является образование рассеянной мануфактуры в гранильном промысле на Урале, который был развит в Березовском, Нижне-Исетском, Верх-Исетском и Мраморском заводах. В первых трех заводах изготовлялись мелкие вещи из дорогих камней. В последнем — крупные изделия: мраморные памятники, ванны и т. п. В Березовском заводе гранильный промысел стал развиваться в первой половине XIX века. Первым мастером по изготовлению печатей был Брусницын, обучивший этому искусству березовского жителя Черемянинова. Последний передал свой опыт Ощукову. В то же время начал работу **искусный** березовский мастер Дуров. Мастера хранили свое искусство «гранить камни» в большом секрете, при посторонних лицах воздерживались от работы. За свои занятия они платили оброк в заводскую контору. Например, Дуров вносил по 17 рублей в месяц. Затем гранильный промысел стал все более развиваться и вылился в «совокупность нескольких видов специального труда»³³.

Одни производили огранку печатей, бусин, запонок, пуговиц и проч., другие занимались сверлением отверстий, третьи полировали ограненные изделия, четвертые выделывали искры и вставляли для разных украшений. Все эти операции производились не

³⁰ Возможно, что Матвей Мамин был дедом писателя Д. Н. Мамина-Сибиряка.

³¹ ГАСО, ф. 43, оп. 3, д. 143, лл. 41—42.

³² М. А. Горловский. Указ. соч., стр. 37.

³³ П. Н. Зверев. Гранильный промысел на Урале. Ек. 1887 г., стр. 15.

только отдельными лицами, но и в различных семействах. Изготовленные из камня изделия для окончательного завершения работы поступали от мастера к ювелиру через скупщика, выходяца из мастеровых или екатеринбургских купцов. Некоторые из мастеров имели свои мастерские, в качестве рабочей силы держали учеников-мальчиков 13—14 лет, обучали их в течение 2—3 лет и заставляли вертеть колеса, от которых получали движение станки. Часть мастеров нанимали рабочую силу, большинство из них эксплуатировали членов своих семей.

Факты позволяют сделать вывод о развитии мануфактуры в гранильном производстве, возникшей на базе мелкотоварного кустарного производства в 1-й половине XIX века.

Крестьянское население также усиливало свои промышленные занятия. В начале XIX века в Пермской губернии они вырабатывали 15 тыс. ведер смолы и 60 тыс. ведер дегтя, сбывая их на судостроительные верфи, соляные промыслы, горные заводы и отправляя в «другие губернии р. Камою и сухим путем»³⁴. Перед реформой 1861 г. только в Соликамском, Чердынском и Шадринском уездах имелось 46 смолодегтярных заведений с 128 рабочими и с суммой производства в 3539 рублей в год³⁵.

В 1807 году в Пермской губернии насчитывалось 2708 мельниц. Эти мельницы принадлежали «некоторые казне, другие частным людям, и по большей части государственным крестьянам»³⁶. В 1857 году их было уже 5612, в том числе 2918 водяных, 2665 ветряных, 29 конных. По неполным данным, в 1860 году на 599 мельниц приходилось 1174 наемных рабочих и сумма производства в 86 674 рубля³⁷. В источнике приводятся средние цифры и нет возможности выделить мелкие и крупные мельницы. Зато такое неравенство можно выяснить на примерах крупчатых заведений. Всех их насчитывалось 16 с 146 рабочими и с суммой производства в 478 392 рубля. В том числе крупчатное заведение в Нижне-Исетском заводе насчитывало 17 рабочих. В 1860 г. на нем было размолото пшеницы на 160 000 рублей. В Кунгурском уезде одно такое заведение имело 15 рабочих и размалывало зерна на 15 800 рублей.

Это значит, что подавляющее большинство мельниц были мелкими заведениями. Однако из числа владельцев мельниц выделялась наиболее зажиточная часть, которая прибегала к эксплуатации наемной рабочей силы и получала большие прибыли.

Некоторые из владельцев мельниц стали крупными предпринимателями, подрядчиками и промышленниками. Значительная часть крестьян государственных селений искала источника для

---

³⁴ Попов. Хозяйственное описание Пермской губернии по гражданскому и естественному ее состоянию. СПб, 1813 г., ч. II, стр. 18—33.

³⁵ Х. Мозель. Материалы для географии и статистики России. Пермская губерния. СПб, 1864 г., ч. II, стр. 127.

³⁶ Попов, указ, соч., стр. 108—109.

³⁷ Х. Мозель. Указ, соч., стр. 143—144.

своей жизни в заработках по вольному найму. Многие из них шли целыми партиями на горные заводы и золотые промыслы. Степень крестьянского отхода можно приблизительно представить на основе данных выдачи паспортов в 1845 году.

В 1845 году из 598 680 душ государственных крестьян Вятской губернии получили паспорта и билеты на различные сроки 52 985 душ, или 8,8 % к их общему числу. В Пермской губернии из 396 504 душ взяли документы на отход 53 179 душ, или 13,4 %. В Оренбургской губернии из 301 818 душ взяли паспорта и билеты 20 358 душ, или 6,7 %³⁸. В целом на Урале только государственные крестьяне выделили из своей среды 126 522 отходников, которые представляли важный источник пополнения наемного труда. Накануне 1861 года состояние капиталистических отношений в негорнозаводской промышленности Пермской губернии видно по следующим данным, подсчитанным нами по материалам Х. Мозеля³⁹.

Таблица № 4

Группы заведений по количеству рабочих	Кол-во заведений	В них рабочей силы		Сумма производства		
		во всех	на одно заведение	во всех	на одно заведение	на 1 ра- бочего
От 1 до 3 рабочих .	1473	3626	2,5	1198361	811	330
От 4 до 6 рабочих .	241	1157	4,8	519949	2157	449
От 7 до 15 рабочих .	163	1788	10,9	3411538	20930	192
От 16 и более рабочих	30	2072	69	1492621	49753	721
Всего	1907	8643	4,5	6622469	3473	742

Цифры показывают, что владельцы промышленных заведений делились на бедных, средних, состоятельных и богатых. Бедная их часть была самой многочисленной, их мелкие заведения к общему числу заведений составляли 77,2 %, общего количества рабочей силы на их долю приходилось 41,9 %. На каждом заведении в среднем насчитывалось по 2,5 рабочих. Сумма производства этих заведений не превышала 18 % в общей сумме всех промышленных заведений Пермской губернии. Здесь наблюдается более низкая оплата труда и эксплуатация семейных рабочих. Вторая группа—средние предприятия с количеством рабочих от 3 до 6 человек. Они составили 12,6 % всех промышленных заведений гу-

³⁸ Н. М. Дружинин. Наемный труд государственных крестьян накануне 1861 г. В сборнике статей «Из истории рабочего класса и революционного движения», посвященном памяти академика А. М. Панкратовой. М., 1958 г., стр. 169—170.

³⁹ Х. Мозель. Материалы для географии и статистики России. Пермская губерния. СПб, 1864 г., ч. II, стр. 113—360.

берний, 13,4% рабочей силы и около 8% всей суммы производства. Здесь мы видим большее количество рабочей силы на каждое заведение (4,7 чел.). Третья группа — состоятельные владельцы. Их заведения составили всего 8,5%, рабочая сила 20,6%, а сумма производства 51,6% к общему количеству заведений негорнозаводской промышленности.

Это переходная группа заведений, которые начали перерастать простую кооперацию, по масштабам производства и по количеству рабочей силы приближались к мануфактурному производству. Однако переходная группа предприятий пока что увеличила общую сумму производства на каждое предприятие, но уменьшила сумму производства на одного рабочего по сравнению с двумя первыми группами. Это объясняется, как видно, тем, что рост количества занятых рабочих и освоение производства в более широких масштабах не сразу давали высокие прибыли.

В четвертую группу мы выделили богатых владельцев, на каждое заведение которых приходится от 16 и более рабочих. Таких заведений оказалось 30, или 1,5% от общего числа, их рабочая сила составила 24%, а сумма производства 22%. Здесь сумма производства на каждого рабочего выше, чем в первой группе в 2,2 раза, чем во второй — в 1,6 раза, чем в третьей — в 3,2 раза.

Таким образом, наблюдалось разложение цехов и развитие кустарного мелкотоварного производства, поощряемого заводчиками в интересах удешевления рабочей силы. Вопреки желаниям заводчиков, развитие кустарного производства свидетельствовало о первой стадии развития капитализма в негорнозаводской промышленности; оно отвлекало значительную часть горнозаводского населения в свободную промышленную деятельность и подготавливало почву для формирования капиталистической мануфактуры. Процесс образования последней происходил таким же путем, каким и в европейской части России. Появились скупщики, владельцы раздаточных контор, которые превращали мелких товаропроизводителей в наемных рабочих. Последние оказывались под двойным гнетом: подвергались внеэкономическому принуждению на горных заводах и попадали под власть денег на частнокапиталистических предприятиях.

Среди заводских крестьян и мастеровых людей происходил процесс социального расслоения, формировалась сельская и промышленная буржуазия, росло количество бедняков, четко обозначился середняк. В 1839 году на Добрянском заводе среди заводских мастеровых имелось 89 дворов «первого состояния», 393 — «среднего состояния», 154 — «последнего состояния». Среди крестьян этого завода зажиточных было 230, середняков — 522, а бедняков — 562 двора⁴⁰. Таким образом, среди мастеровых зажиточ-

⁴⁰ Р. Е. Рутман. Положение и борьба рабочих горнозаводского Урала накануне отмены крепостного права (1856—1860 гг.). Кандидатская диссертация. 1954 г., стр. 335.

ные составили 14 %, а бедные — 24,2 %, среди крестьян; зажиточные — 16 %, а бедные — 42,8 %.

На Благовещенском заводе накануне реформы 1861 года из 646 домохозяев было 150 «первого состояния», что составляло 23 % от общего числа. На Златоустовском заводе у некоторых мастеровых было по 20 десятин покоса. На Черно-Источинском заводе мастеровой Тит Серебряков обладал наделом в 13 десятин покоса или на 165 копен, Евстефей Пичугин — на 150 копен, Фома Ольховников — на 110 копен. Большинство мастеровых имели всего по 2 десятины. На Авзяно-Петровских заводах накануне 1861 г. некоторые мастеровые держали по 25 рабочих лошадей. Нами было уже сказано о развитии капиталистических отношений среди заводского населения и применении наемного труда на Кыштымских и Каслинских заводах в 20-х гг. XIX в.⁴¹ В Чермозских заводах Христофора Лазарева классовое расслоение крестьян было еще более заметно. В 1853 г. в имении Лазарева насчитывалось домов «первого состояния» — 110, «среднего состояния» — 805, «недостаточного состояния» — 485, «бедного состояния» — 513. Сам Лазарев видел корень зла в подворно-наследственном землепользовании и в отвлечении крестьян на заводские работы. Он указывал, что одни владеют от 6 до 15 десятинами земли, другие только 0,5 десятины. Одни имеют по 10 рабочих лошадей, а другим «нечем прокормить и одной лошади»⁴². На зиму 1853/54 гг. бедным крестьянам не хватало 222069 пудов сена, а зажиточные имели лишнего корму 4898 пудов, который продавали по высоким ценам. Бедные крестьяне не имели хлеба, который брали в долг у заводчика и зажиточных крестьян.

Классовое расслоение в деревне и крепостной гнет определили настроение и поведение различных социальных слоев крестьянства. По словам Х. Лазарева, в его имении имелось 501 человек, «хорошего поведения», 384 человека — «порядочного поведения», 184 человека «посредственного поведения» и 20 человек «худого поведения»⁴³. Разоренная часть крестьянства уходила с насиженных мест в поисках работы, чтобы обеспечить свое существование, шла в подряды на горные заводы, нанималась к кулакам и мелким промышленникам. Такие же явления наблюдались и среди мастеровых. Некоторые из разбогатевших искали новые места для приложения своих капиталов. Одни занимались торговлей, другие промышленностью.

Подобные явления имели место в селениях непременных работников Бобровского и Шартапского участков, приписанных к Березовским золотым промыслам. Еще в XVIII веке крестьяне

⁴¹ В. Я. Кривоногов. О составе участников антикрепостнической борьбы на Кыштымских заводах в 20-х годах XIX века. Сб. статей «Вопросы истории Урала», Св. 1958 г., стр. 37—49.

⁴² Пермский областной государственный архив (ПОГА), ф. 280, оп. 1, д. 1799, лл. 10—11.

⁴³ ПОГА, ф. 280, оп. 1, д. 1799, лл. 10—11.

Бобровского селения открыли две горы известкового камня. Они стали вырубать известь и продавать ее казне и частным лицам «за вольную цену». Так продолжалось до 1824 года, когда чиновник Михайлов взял эти горы в аренду сроком на 12 лет за 12900 рублей. Деньги шли в распоряжение казны. Непременные работники деревни Фоминой Василий и Артемий Банных, открывшие месторождение известкового камня, заявили претензию на эти горы. Против Банных, как новых арендаторов, выступило 48 непременных работников, принимавших участие в разработке этих гор. Они заявили о том, что вырученные деньги от известки должны идти «для необходимых нужд деревни Фоминой 48 семейств, а не одним 6 арендаторам Банным в обогащение свое...»⁴⁴. Дело закончилось тем, что Банных получили эти горы в аренду на 6 лет, начиная с 1836 года. Непременные работники вынуждены были трудиться на нового владельца.

В октябре 1813 года в Екатеринбургскую городскую думу и городской магистрат поступила жалоба купцов на незаконную торговлю непременных работников Шарташского участка на екатеринбургском рынке. Купцы жаловались на то, что непременные работники занимаются выделкой кож, пошивом конской упряжи, которые они привозят на екатеринбургский рынок «в весьма великом количестве», не вносят торговых сборов. Основываясь на законах, запрещающих крестьянам перекупную торговлю на городских рынках, городская дума и магистрат запретили непременным работникам торговать сыромятными изделиями на екатеринбургском рынке.

На товары непременных работников был наложен секвестр. Было определено, что они торгуют сыромятными товарами с годовым оборотом «свыше 2000 рублей». Городская дума выяснила, что в 1813 г., непременный работник Петр Хромых купил сырых кож у екатеринбургских мещан и купцов на сумму 3050 руб. Иван Лазарев — на 1280 руб., Иона Пастухов — на 2704 руб., Иван Шляпников — на 700 руб.⁴⁵.

Дума потребовала, чтобы непременные работники вносили торговые платежи, согласно положению о торгующих крестьянах. Дума требовала, чтобы им была запрещена городская торговля без внесения гильдейских сборов. Дело стало рассматриваться в Пермском горном правлении и Горном департаменте министерства финансов. Горные власти выступили в защиту промышленной и торговой деятельности непременных работников.

Между тем Екатеринбургская городская дума настаивала, чтобы торговля непременных работников была приравнена к крестьянской и ограничивалась бы согласно законам «продажей с возов и лодок собственно сельских произведений»⁴⁶.

Департамент горных и соляных дел 14 июля 1825 г. вновь

⁴⁴ ГАСО, ф. 25, оп. 1, д. 224, лл. 6—12.

⁴⁵ ЦГИАЛ, ф. 37, Горный департамент, оп. 13, д. 71; лл. 20—22.

⁴⁶ Там же, л. 75 об.

возбуждает дело о шарташских непременных рабочих, доказывая 760-й статьей Проекта горного положения, что там, где в заводских и рудничных селениях нет необходимого количества мясниц и купцов для того, чтобы составить ратушу или магистрат, «позволяется право торговли, право промышленности и отправления ремесел всякому, кто бы какого состояния, звания, города, уезда и губернии ни был»⁴⁷. Департамент, ссылаясь на упомянутый выше «Оригинальный регистр», отмечал, что промыслы непременных рабочих состоят в производстве растительного масла, свечей, мыла, в выделке некоторых металлических и кожаных изделий из покупных материалов.

Департамент обратил внимание на то, что шарташские непременные рабочие не имеют пашенных и сенокосных земель, поэтому издавна занимаются промыслами. Горное начальство поощряло их промышленные занятия.

«Ежели же ныне ввести их в правила, установленные для крестьян, как того требует Екатеринбургская городская дума,— отмечал департамент,— то вся промышленность сия должна вдруг уничтожиться, ибо сельских произведений они не имеют, а всякий иной товар можно будет всегда подводить под звание перекупных, поелику материал для оного они по необходимости должны будут покупать из чужих рук. Свидетельств же торговых не только требовать от них, но и допустить их ко взятию оных нельзя, по причине неминуемых затруднений, которые произошли бы отсюда для заводского начальства во взыскании с них казенных работ»⁴⁸.

В 1825 г. министр финансов, рассмотрев этот вопрос, дал знать Пермской казенной палате, что мастеровые и непременные рабочие на основе Проекта горного положения «имеют особую привилегию, представляющую им в заводах и округах заводских всякого рода торговлю и промысел», и что эта привилегия вновь была подтверждена указом от 22 декабря 1824 г.⁴⁹ Горные деятели и законы защищали промышленную и торговую деятельность непременных рабочих в интересах удешевления рабочей силы для заводов.

Обращает на себя внимание тот факт, что шарташские непременные рабочие не имели земли и не занимались сельским хозяйством. Их главное занятие — промышленность и торговля.

Нас интересует также вопрос о социальной дифференциации непременных рабочих, о развитии капиталистических отношений в их среде и то, как это сказывалось на выполнении ими казенных заводских повинностей. В этом отношении показательными являются данные «Оригинального регистра» как исторического источника, безусловно, имеющего важное научное значение.

Суммируя данные указанного «Регистра», мы получаем сле-

⁴⁷ ЦГИАЛ, ф. 37, Горный департамент, оп. 13, д. 71, л. 75.

⁴⁸ ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 13, д. 71, л. 76.

⁴⁹ Там же, л. 86 об.

дующую группировку промышленных и торговых заведений, принадлежащих неперенным работникам⁵⁰.

Таблица 5

Наименование заведений	К-во заведений по сумме производ-ства или торговли			Всего
	от 60 до 200 руб.	от 201 до 1000 руб.	от 1001 до 5000 руб.	
1. Обрабатывающие животные продукты	4	29	9	42
2. Обрабатывающие растительные продукты	37	43	9	89
3. Металлообрабатывающие	5	1	—	6
4. Рыбные промыслы	1	1	1	3
5. Торговля скотом и различными товарами	1	14	6	21
Итого	48	88	25	161

Из таблицы видно, что шарташские неперенные работники-промышленники переживали процесс социальной дифференциации. Одни из них, насчитывающие в своем составе 48 семейств, или 29,8% к общей массе занимающихся промыслами и торговлей, производили продукции на сумму от 60 до 200 рублей. Это преимущественно ремесленники. Другие промышленники и торговцы (88 семейств) производили продукции и продавали товаров в среднем на сумму от 200 до 1000 рублей. Это преимущественно кустари, эксплуатировавшие, по-видимому, не только членов семей, но и наемную рабочую силу. Они выделяли из своей среды промышленников, производивших продукции или имевших торговый оборот на сумму от 1000 до 5000 рублей. Эта более зажиточная часть промышленников насчитывала 25 семейств, или 15,5% к их общей массе. Они переживали процесс перехода от кустарного производства к мануфактуре.

Например, о промышленнике С. Ф. Мыльникове в описи («Регистре») сказано, что он имел «мыловаренный завод и занимался пригоном для бойки скота». Сало и золу он покупал на екатеринбургском рынке. Он производил продукции на 1500 рублей и сбывал ее как в Екатеринбурге, так и в других «городах и ярмарках Пермской губернии»⁵¹.

О В. М. Колпакове сказано, что он владел маслособойной фабрикой и занимался «сыроматным шитьем конской упряжи и пригоном скота». «Семя для бойки масла» Колпаков покупал в Екате-

⁵⁰ ЦГИАЛ, ф. 37, Горный департамент, оп. 13, д. 71, лл. 60—72; П. Г. Рыздзонский приводит эти данные в иной группировке и с иными подсчетами по ЦГИАЛ, ф. 571, оп. 5, д. 760. См. книгу «Городское гражданство дореформенной России». М., 1958, стр. 333.

⁵¹ ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 13, д. 71, л. 60.

ринбурге, а продукцию, которой производилось на 2500 руб., он продавал в различных городах и на ярмарках Пермской губернии. К. Е. Козмин имел кожевенный завод, занимался скупкой скота в разных городах и на ярмарках. Там же и сбывал свои товары, которых производилось на 3000 рублей⁵². К. В. Пастухов владел «маслобойной фабрикой», торговал различными товарами, которых продавал на 4000 рублей. Д. К. Сухарев имел маслобойное заведение и торговал скотом. Всего он сбывал товаров в различных городах Пермской губернии на 5000 рублей.

Нарождавшаяся буржуазия тяготилась своим подневольным положением, поэтому она стремилась выйти из крепостной зависимости. Подобно тому, как это было в Иваново-Вознесенске и других промышленных районах Центральной России, уральские капиталисты выкупались на волю за большие суммы.

Крепостной Демидовых К. К. Ушков в XVIII веке «мелочною торговлей... приобрел небольшое состояние», на которое завел мельницу на р. Шайтанке. С увеличением доходов он построил крупчатное заведение. Особенно деятельным предпринимателем оказался его сын Михаил, который в первой половине XIX века «при многих неусыпных торговых оборотах и предприятиях... скопил себе капитал до миллиона руб. сер.»⁵³. Ушковы выделяли крупчатку в своих заведениях, а также скупали большие партии пшеницы для отправки за границу через С.-Петербургский порт⁵⁴. Ушковы выступали в качестве подрядчиков по поставке руды и угля на Нижне-Тагильские заводы, по перевозке готовой заводской продукции на пристани. Они «держали целый табун лошадей и множество повозок». Ушковы нанимали рабочую силу из окрестных селений⁵⁵.

Развитию дальнейшей предпринимательской деятельности Ушковых мешала крепостная зависимость. М. К. Ушков стал добиваться воли. Демидовы не согласились на денежный выкуп. Тогда М. К. Ушков построил канал, соединивший р. Черную с Черноисточинским прудом⁵⁶. Строительство канала производилось исключительно наемным трудом⁵⁷. Канал обошелся Ушковым суммою «не менее ста тысяч рублей». Это и была сумма выкупа Ушковых на волю. Уже как свободный капиталист-предприниматель М. К. Ушков, кроме крупчатных заведений, основал игольную, ситцевую и фаянсово-посудную фабрики. Наконец, он пост-

⁵² ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 13, д. 71, л. 70.

⁵³ ГАСО, ф. 129, оп. 1, д. 292, л. 1—2.

⁵⁴ Г. В. Колмогоров. О морской торговле Сибири прямо с Западной Европою. СПб, 1857 г., стр. 3.

⁵⁵ В. С. Виргинский. Жизнь и деятельность русских механиков Черепановых. М., 1956 г., стр. 109—110.

⁵⁶ В. В. Данилевский. Русская техника. Л. 1948 г., стр. 302—304.

⁵⁷ «Нижний Тагил», Свердловск, 1945 г., стр. 40.

роил обширную Знаменскую суконную фабрику для выделки сукон из ордынской шерсти. Эта фабрика была оснащена машинами «новейшего изобретения»⁵⁸.

Кроме Ушковых, на Нижне-Тагильских заводах выкупился на волю за 10 000 рублей кустарь Дубасников⁵⁹. В 30-х годах XIX в. на этих заводах вольных людей насчитывалось 96 человек⁶⁰. В 1845 г. 975 человек «отыскивали» освобождение от крепостничества⁶¹. В 1855 году было отпущено 7 человек, в 1856 г. — 11, в 1857 г. — 21, в 1858 г. — 43, в 1859 г. — 39. За пятилетие был освобожден 121 человек⁶². На Сысертских заводах в 30—40 гг. XIX века проживала значительная группа свободных людей, бывших крепостных помещиков Денисова и Зубовой⁶³. В 1837 г. в Екатеринбурге насчитывалось «вольноотпущенных и не приписанных ни к какому званию» 81 человек. Кроме того, в городе было произвольно поселившихся крестьян — казенных 247 человек, удельных — 93, помещичьих — 120⁶⁴.

Выходцы из крепостных заводских рабочих становятся в разряд рудопромышленников и рудоподрядчиков. Например, в округе Пермских казенных заводов рудниками владели мастеровые братья Поповы и выходцы из мастеровых — Дружинин и Чайкин⁶⁵. В 20-х годах XIX века непрменный работник Горного Щита П. Крылатков на основе подряда поставлял руду на Кыштымские и Каслинские заводы⁶⁶. Непрменные работники того же селения Костарев и Саломатов брали подряд на поставку руды на Нижне-Сергинские заводы⁶⁷.

С промышленной и торговой деятельностью некоторой части горнозаводского населения тесно связано проникновение частного капитала и наемного труда в горнозаводскую промышленность крепостников. Например, непрменные работники Шарташского участка, о промышленности и торговле которых было сказано выше, обеспечивали свое существование не за счет заводского жалования, а за счет промышленных и торговых занятий. Даже те из них, промышленный и торговый оборот которых выражался в небольших суммах — 60—100 руб. в год, имели больше материальной выгоды от своих промышленных занятий по сравнению с 20-рублевым заводским заработком.

⁵⁸ ГАСО, ф. 129, оп. 1, д. 292, лл. 9—11.

⁵⁹ В. Д. Белов. Кустарная промышленность в связи с уральским горнозаводским делом. СПб, 1887 г., стр. 14.

⁶⁰ ГАСО, ф. 24, оп. 32, д. 3170, лл. 251—283.

⁶¹ Там же, оп. 13, д. 796, л. 181, об.

⁶² Нижне-Тагильский архив, ф. 10, распорядительный, оп. 1, д. 422, лл. 311—317.

⁶³ ГАСО, ф. 24, оп. 32, д. 3170, лл. 223—230.

⁶⁴ ГАСО, ф. 35, оп. 1, д. 747, л. 143 об.

⁶⁵ ГАСО, ф. 43, оп. 2, д. 1621, л. 15 об.

⁶⁶ Челябинский госархив, ф. 172, оп. 1, д. 91, лл. 381—383.

⁶⁷ ГАСО, ф. 12, оп. 1, д. 322, лл. 1—15.

Все это привело к тому, что неперенные работники отказывались выполнять заводские работы личным трудом, а стали сдавать их подрядчикам, уплачивая значительно дороже, чем их оплачивали по казенным штатам. Горное начальство вынуждено было согласиться с такой системой «отработок», так как иначе срывались намечаемые работы. Например, в 1840 г. на Березовские золотые промыслы было наряжено 676 неперенных работников различных участков. Они должны были выработать 114 777 поденщин. Фактически же выработали только 17 304 поденщины⁶⁸. Шарташские зажиточные неперенные работники Иван Харламов и Архип Черепанов стали брать в подряд работы на золотых промыслах за неперенных работников не только Шарташского, но и Арамильского и Бобровского участков. В течение рабочего года Харламов брал на себя 1500 поденщин. Черепанов в 1840 г. взял в подряд «около четырех тысяч поденщин»⁶⁹. Неперенный работник Козма Корелин подрядился выполнить заводские работы за 18 арамильских и 20 бобровских неперенных работников⁷⁰.

Харламов и Черепанов брали с неперенных работников по одному рублю за поденщину, а так же их окладное жалованье и провиант, полагавшиеся от завода. Карелин, кроме окладного жалованья и провианта, получал по 15 рублей с каждого человека, сдавшего свои работы в подряд. Подрядчики нанимали для выполнения работ мастеровых людей, скупая у них страдное время, воскресные и праздничные дни, а также уговаривая их работать вторую смену после выполнения обязательного урока.

Березовская заводская контора не препятствовала мастеровым в работе по вольному найму. По заявлению инженера Разгильдьева, наем допускался «...с двоякой целью: во-первых, чтобы выполнить казенные работы с большею пользою, в удобнейшее летнее время, для добычи золота; во-вторых, не стеснять общей промышленности, мастеровых не лишать заработка, а неперенным работникам не расстраивать хозяйственного быта»⁷¹. Разгильдеев разрешал мастеровым работать не только в страдное время, в воскресные и праздничные дни, но и «...во всякое время, если они только исполнили свой собственный урок»⁷². В результате такого условия некоторые выполняли урок, рассчитанный на 40 дней, в 20 и принимались за работу по вольному найму.

Но мастеровые и крестьяне окрестных селений работали не только у подрядчиков. Подрядчики платили им по 70 коп. за поденщину, а при работе старателей артелями они зарабатывали значительно больше. Например, на отдельной части рудников Березовского завода 27 июля 1835 г. трудилось 13 артелей, в соста-

⁶⁸ ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 92, л. 274.

⁶⁹ Там же, лл. 245—246.

⁷⁰ Там же, лл. 202—206.

⁷¹ Там же, л. 171.

⁷² Там же, д. 1007, лл. 1—4.

ве которых насчитывалось 98 наемных рабочих. За день они заработали 448 руб., т. е. по 4 рубля 57 коп., на каждого. Подобные факты не единичны, но о них будет сказано подробнее ниже. Факты позволяют делать вывод о том, что наблюдался двоякий процесс разложения сословий. Одни из рабочих (непрерывные работники) откупались от феодальных повинностей в интересах занятий промыслами. Другие мастеровые наряду с выполнением повинностей все более втягивались в работы по вольному найму. Мастеровые люди могли работать по вольному найму не только на вышеуказанных условиях, их нередко отпускали на оброк, на свое пропитание. В архиве отложились дела об отпуске заводских людей на волю, о переводе на оброк и на свое пропитание.

22 января 1849 года министр финансов утвердил распоряжение главного начальника Уральских заводов В. А. Глинка об отпуске 520 мастеровых Воткинского завода на свое пропитание. Но еще не дошло до Урала, утверждение министра, как 7 января 1849 г. В. А. Глинка заявил о необходимости увольнения еще 220 мастеровых Воткинского завода⁷³. Таким образом, в 1849 году в Воткинском заводе было уволено на собственное пропитание 740. Одни из них занимались промыслами, а другие шли в наем на заработки, чтобы обеспечить пропитание своих семейств.

Большое количество людей уходило на оброк из Нижне-Тагильских заводов Демидовых. В решении Корпуса горных инженеров от 17 декабря 1852 года об оброчниках Нижне-Тагильских заводов сказано: «под названием оброка, взимаемого заводоуправлением с некоторых рабочих, понимается взнос последними денег в отправление за себя посредством найма работ»⁷⁴.

Некоторые из оброчников занимались «торговлею и промышленностью», а некоторые шли на работу по найму. Нижне-Тагильские заводы получали в год оброка на сумму 16300 руб. серебром, а нанимали вольных рабочих на сумму 297 тыс. рублей серебром⁷⁵. Следовательно, речь идет не только об оброчниках, но и о том, что разложение сословий все более делало их ненадежной рабочей силой, вело к инертному отношению к делу, организации протестов, массовых волнений, уклонению от работы на заводах. Поэтому, несмотря на наличие огромного количества крепостных людей, заводы вынуждены были все больше прибегать к вольнонаемному труду, главным образом на вспомогательных работах.

На Невьянских заводах в 20-х гг. XIX в. занималось торговлей и промыслами 309 человек, которые нанимали выполнять за себя заводские повинности, выплачивая значительно больше, чем

⁷³ ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 13, д. 702, л. 9.

⁷⁴ Там же, оп. 5, д. 437, л. 35.

⁷⁵ Там же, л. 34.

сами получали от заводов⁷⁶. В 50-х гг. XIX в. уже 600 человек, занимающихся разными промыслами и торговлей, нанимали за себя вольных людей для выполнения заводских работ. Более того, в 1851 году владельцы Невьянских заводов — наследники П. С. Яковлева писали на имя министра финансов жалобу о том, что Уральское горное правление препятствует отпуску крепостных заводских людей на оброк, ссылаясь на 394 статью свода законов, т. VII (Устав горный). Между тем, в их владении имелось 9 тысяч ревизских крепостных душ, которые до сих пор доставляли «... выгоды или работами заводскими, или же при уменьшении таковых взносом добровольного по взаимному согласию платежа, этим увольняемым людям, в числе коих есть и капиталисты, представляется возможность распространения промышленности для всеобщего улучшения их быта»⁷⁷.

Факты по Невьянским заводам показывают, что увеличивалось количество людей, выполнявших заводские повинности не личным, а наемным трудом. При этом нанимателями-оборочниками выступали не только «капиталисты», но и те, кто не имел своих промыслов, торговли и располагал лишь собственными рабочими руками.

Владельцы заводов доказывали, что на самом деле увольнение крепостных людей на оброк не противоречит Горному уставу, ибо это увольнение «не значит употребление их на какие-либо другие владельческие работы, а напротив облегчение в оных и доставление им возможности сообразно с целью правительства пользоваться распространением народной промышленности, а прекратить такое увольнение значило бы стеснить заводских людей, из коих многие имеют торговлю и промышленность с убытками для владельцев заводов». Они также убеждали, что Невьянские заводы не могут занять всего наличного мужского населения заводскими работами и, что «часть людей могла бы пользоваться свободой от владельцев для своих заработков». Наследники просили министра финансов предписать Уральскому горному правлению «дозволить отпускать крепостных заводских людей для их промыслов со взносом оброка по их с нами добровольному соглашению, как это до сих пор существовало»⁷⁸.

В первой половине XIX века буржуазия добивалась от царского правительства свободы в деле развития золотой промышленности на Урале и в Сибири. Правительство отказывало ей в этом под тем предлогом, что в горных округах нет в наличии свободной рабочей силы. В ответ на это один из представителей буржуазии писал: «Опасение, что будто по недостатку в тамошнем крае свободных людей, частные люди не найдут способов к раз-

⁷⁶ В. Я. Кривоногов. Антикрепостническая борьба на Невьянских заводах в 20-х годах XIX века. «Ученые записки Свердловского государственного педагогического института». Выпуск 11, 1955 г., стр. 130.

⁷⁷ ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 5, д. 1193, л. 1 об.

⁷⁸ Там же, лл. 2—2 об.

работке золотых рудников, не должно служить препятствием к упомянутому разрешению: ибо напротив того, людей, ищущих работ из всех состояний в тамошнем крае столь много, что не только большая часть железных руд во все заводы доставляется вольными, и уголь выжигается ими же, но и при разработке золотопесчаных песков не все вольные люди у частных заводчиков могут найти себе занятие»⁷⁹.

В 30—50 гг. XIX века частная золотопромышленность получает развитие на землях башкир, тептярей, Оренбургского казачьего войска, в Вятской, Вологодской губерниях и даже на севере в Заозерской даче. Это развитие золотопромышленности было связано с дальнейшим процессом разложения сословий. Ремесленники Коробовы проникают в купеческое сословие, затем вскоре становятся промышленными капиталистами. Фамилия рудопромышленников XVIII в. Лапиных в первой половине XIX в. появляется среди купечества, а затем и золотопромышленной буржуазии. Подрядчики Казанцевы и Рязановы в начале становятся гильдейскими купцами, а позднее — крупнейшими золотопромышленниками не только на Урале, но и в Сибири.

Создаются акционерные компании золотопромышленников, в которые вступают не только купцы, но и вотчинники. Например, Всеволожские становятся компаньонами купцов Любимова и Юхнева в Заозерской даче, предоставляя свои прииски в арендное содержание компаньонов.

Всеволожские перевели из своих имений в Заозерскую дачу свыше тысячи крепостных и предоставили их компании для эксплуатации на условиях вольного найма. Сами же они получали с этих людей денежный оброк⁸⁰.

Помимо крепостных, компаньоны нанимали татар Казанской губернии и государственных крестьян Вятской губернии.

На золотых промыслах Оренбургского края ежегодно было занято до 6 тыс. рабочих⁸¹. Многие из них были мастеровые и непременные работники казенных заводов, ушедшие на заработки по паспортам и отпускным билетам.

В Свердловском архиве сохранилось «Дело по билетам урочных работников, мастеровых, их жен и дочерей», которые уходили в 1853 г. в разные места для собственных надобностей. Из указанного дела видно, что непременные работники Шарташского участка и мастеровые Березовского завода получали увольнения для заработков на частных золотых промыслах на Урале и в Сибири. Троицкий золотопромышленник А. Бакакин обратился в Березовскую контору с просьбой продлить еще на один год паспорт девице этого завода Анне Чехиной. Вдова мастерового Мар-

⁷⁹ «Краткий очерк развития частной золотопромышленности, с начала допущения ее в России по настоящее время», «Горный журнал». 1861 г., № 7, стр. 67—68.

⁸⁰ ГАСО, ф. 24, оп. 31, д. 1379, лл. 48, 262.

⁸¹ ГАСО, ф. 43, оп. 4, д. 203, лл. 5—9 об.

фа Калистратова просила уволить ее на 8 месяцев для работы в Оренбургской губернии. На такой же срок в 1854 году были уволены жена и дочь мастерового Щелконогова для заработков в Оренбургской губернии. Урочный работник Шарташского участка Ефим Анучин просил главную контору Екатеринбургских заводов отпустить его вместе с женой и дочерью на 4 месяца в Оренбургскую губернию для работы на золотых промыслах купца Харитонов⁸². За Анучина поручился односельчанин Никита Ряпов, который и должен был выполнить за него заводские работы. С подобными просьбами обратилась дочь мастерового Березовского завода Дарья Теренина, дочь конторского служителя Степанида Чиканцова и др.

Урочный работник Шарташского участка Иван Шляпников просил Екатеринбургскую заводскую контору отпустить его на 4 месяца в Оренбургскую губернию для работы на золотых промыслах купца Нурова, для чего и выдать билет. За Ивана Шляпникова поручились его односельчане. В их поручительстве сказано: «1854 года, апреля 5 дня, мы нижеподписавшиеся Березовской конторы Шарташского участка отставной Василий Ильич Шляпников и Филипп Хромых дали сию подписку в том, что уволенный в отпуск, таковой же урочник Иван Васильев Шляпников, в место своего жительства в срок явится и никаких законопротивных поступков не учинит, в противном случае подвергаем себя ответственности по законам». Купец Нуров просил управителя Березовских золотых промыслов отпустить на его Оренбургские золотые промыслы на лето 1854 года мастерового Григория Кобякова. Нуров предлагал принять вместо Кобякова «вольного наемщика или деньги следующие за работу»⁸³. Главное здесь заключается в том, что крепостной мастеровой отлучался на работу по вольному найму и вступал в систему капиталистических отношений. Но не будучи освобожден от выполнения заводских повинностей, он нанимал за себя вольного человека. Мастеровые, неперенные и урочные (с 1847 г.) работники уходили по вольному найму далеко за пределы Урала, в Западную и Восточную Сибирь. Например, сын мастерового Березовского завода Маркел Сергеев находился «на вольных работах в Енисейской губернии» с 1842 года, не имея на то письменного разрешения. Об этом не знала и заводская администрация. Затем к нему приехал брат его Федор Сергеев. Начиная с 1846 года Сергеевы, находясь «на вольных работах» в Сибири, получали уже письменные виды из Березовского завода через своих родственников.

Золотопромышленник Рязанов обратился в июне 1853 года в Уральское горное правление с уведомлением о том, что на его сибирских золотых промыслах работает сын мастерового Березовского завода Максим Косых, который имел увольнительное свидетельство на 3 года. Срок свидетельства истек, поэтому Рязанов

⁸² ГАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1560, лл. 89—96.

⁸³ Там же, лл. 97—100.

просил: «возложенную на мастерового сына Максима Косых казенную работу дозволить исполнить посредством найма, и на свободное проживание на сибирских наших золотых приисках выдать узаконенный билет»⁸⁴.

Главный начальник Уральских горных заводов, основываясь на распоряжении правительства, 28 августа 1839 года и 28 октября 1840 года дал предписание начальникам заводов «...увольнять заводских рабочих людей на сибирские золотые промыслы по плакатным паспортам и не более как на три года»⁸⁵.

Но еще более заметным был наем мастеровых людей, крестьян и непременных работников на казенных и частных золотых промыслах Уральской горной области. Например, на тех же Березовских золотых промыслах было большое количество старателей. Мастеровые продавали свое страдное время, воскресные и праздничные дни, организовывались в артели в 4—5 человек и шли на заработки. Например, в июле 1832 г. на Коневском прииске работало до 47 таких артелей, в среднем, следовательно, около 230 рабочих⁸⁶. Из тетради «На записку при Пышминском заводе каждодневного золота, принимаемого от мастеровых, уволенных на страдное время в отпуск и находящихся в вольной работе у добычи золота», видно, что в июле трудилось до 30, а в августе до 39 наемных рабочих⁸⁷.

Из тетради для записи золота, принимаемого от мастеровых, уволенных на страдное время в отпуск и находящихся в вольной работе у добычи золота, видно, что на Севастьяновском прииске с 19 по 29 июля 1832 года трудилось 108 артелей, на Пышминском — 87—113 артелей, на Борисовском — в сентябре—октябре — 12—15 артелей⁸⁸. В 1834 году на Кобяковском прииске работало в июле 4 артельщика с 21 рабочим, в августе — 13 артельщиков с 52 рабочими. На Каросевском прииске было 8 артельщиков с 44 рабочими, а в августе — 21 артельщик с 96 рабочими. На Косулинском прииске в июле было 13 артельщиков с 76 рабочими, а в августе — 12 артельщиков с 58 рабочими⁸⁹. То же самое можно видеть из книги записи «добытых и промытых песков и полученного золота вольными работниками с платою с золотника при Мельковском прииске»⁹⁰. В Горнощитском прииске велась запись «вымываемого золота вольными людьми в праздничное время»⁹¹.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что крестьяне, рабочие люди привлекались к труду по вольному найму в свобод-

⁸⁴ ГАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1560, лл. 41—75.

⁸⁵ Там же, д. 826, лл. 7—14.

⁸⁶ Там же, д. 828, лл. 2—4.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Там же, д. 829, лл. 5—68.

⁸⁹ Там же, д. 896, лл. 1—13.

⁹⁰ Там же, д. 899, лл. 1—3.

⁹¹ Там же, д. 1655, л. 10.

ное от заводских работ время. Они подвергались и крепостнической, и капиталистической эксплуатации.

Факты показывают, что в первой половине XIX века и на Урале происходил процесс разложения крепостной системы хозяйства. Этот процесс нашел свое выражение прежде всего в разложении сословий. Все без исключения — и господствующие, и подневольные сословия — были захвачены капиталистическим развитием. Наблюдалась социальная дифференциация среди мастеровых, непременных работников, государственных, посессионных и крепостных крестьян.

Почти во всех горнозаводских округах Урала развивалась частная негорнозаводская промышленность, владельцами которой являлись не только купцы и мещане, — выходцы из крепостных людей, но и мастеровые, заводские крестьяне, непременные работники. Частная промышленность была основана на вольнонаемном труде, представленном более бедной частью заводского населения. Эта промышленность переживала закономерный процесс развития капиталистических отношений от ремесла к мелкому товарному производству, от последнего к мануфактуре, на базе которой появлялась фабрика.

Формирование известного слоя промышленной и торговой буржуазии привело к тому, что из рабочих сословий выпала значительная группа людей.

Буржуазия превращала часть кустарей и ремесленников в наемных рабочих на дому, а также отвлекала на свои предприятия часть мастеровых в качестве наемной рабочей силы. Мелкие кустари и ремесленники из числа мастеровых, непременных работников и заводских крестьян, предпочитали свои промышленные занятия и даже надомничество в качестве наемных рабочих низкооплачиваемой заводской работе.

Эти люди также уходили на заработки, внося оброчные платежи в пользу заводчиков. Заводчики в свою очередь на оброчные деньги нанимали нужную им рабочую силу.

Отход заводских мастеровых, крестьян, непременных и урочных работников усилился в связи с развитием частной золотопромышленности, основанной исключительно на наемном труде. С развитием золотой промышленности в казенных и частновладельческих заводских округах усилилась эксплуатация рабочего населения, помимо обязательных работ еще и по вольному найму в страдное время, в воскресные и праздничные дни.

За счет некоторой части мастеровых и непременных работников пополнялись ряды купцов. Однако происходил процесс разложения и купеческого сословия. Многие купцы занялись рудным промыслом, подрядными работами и особенно золотой промышленностью, становясь фактически в ряды формирующейся промышленной буржуазии, отвлекавшей значительную часть горнозаводского населения для работы на своих предприятиях по вольному найму.